

2.1 Глобализационный вызов человеку: угроза потери глубинных измерений его личности

Глобализация является доминирующим цивилизационным процессом современности. Можно сколько угодно спорить об определениях глобализации, о ее соотношении с интеграцией во всемирном масштабе и модернизацией, о времени ее зарождения и начале активного влияния на глобальные мировые процессы и по иным аспектам глобализации. Но, вместе с тем, понятно, что глобализация – явление именно современного мира, и, хотя она вбирает в себя многие свойства иных общемировых процессов, она представляет собой явление принципиально новое в истории человечества, она не является простым продолжением существовавших прежде интеграционных общемировых тенденций.

Принципиальная новизна глобализации заключается не в ее масштабе и сфере воздействия – хотя они беспрецедентны, – но в явной сознательной направленности глобализации. Она только на первый взгляд кажется процессом диффузным, свободно сложившимся, естественным и не зависящим от воли и намерения людей. Процессы такого рода случайными, возникшими сами собой и, в этом смысле естественными, не бывают. Такие процессы имеют своих инициаторов, своего субъекта. Кто, для чего, с какой целью, каким образом иницирует, поддерживает, направляет процессы глобализации можно, отчасти, предположить при специальном анализе.

Очевидно, что глобализация приносит ощутимые выгоды одним странам и является бедствием для других; очевидно, что за анонимностью глобализации кто-то стоит; и т.д. Но реконструировать субъекта глобализации, исходя из принципа «кому выгодно, кто заинтересован», раскрыть ее смысл по формам ее проявления – дело предельно сложное. Тем более, что всемирная история сегодня, вообще, носит анонимный характер: практически все люди во всех странах отстранены от реальной возможности влиять на ход событий; при внешней активности и даже суете, люди реально являются объектом управления и манипулирования; поведение масс и отдельных индивидов планируется и программируется (прорываясь, впрочем, довольно часто в так называемых, не мотивируемых действиях и поступках – что также может учитываться при планировании). Причем, реальная пассивность современного человека (повторим: при предельной внешней активности) практически не зависит от типа государственного устройства и форм организации общества: как тоталитарные формы, так и формы демократического устройства – каждая по-своему – отстраняют людей от реального влияния и на общие процессы в обществе и на процесс личностного развития. Можно даже утверждать, что демократические режимы отличаются еще большей изоэченностью отстранения человека от управления ситуацией.

Глобализация и является предельной формой продуцирования пассивности человека во всемирном масштабе. Вот в чем заключается основной ее негативный смысл. *Она посягает на сущность человека – быть ответственным творцом своей жизни.* Те горизонты развития, которые процессы современности (синтезируемые глобализацией) оставляют человеку, примитивны. Человек, и чем дальше, тем более, унифицируется, утрачивает личностную специфику, предает себя, выступает противником глубокобытийственного многооб-

разия, которое является условием обретения человеком своей сущности. Глобализация ответственна за эти негативные процессы.

Глобализация потому и носит именование глобализации, что она глобализирует все и вся. Все процессы и события, все движения и отношения – все приобретает глобальный характер: только так глобализация может поддерживать собственный глобальный тренд. Все то, что остается за пределами глобальных процессов, все уникальное, все частное, все глубоко личностное «отстает от жизни» и обречено на исчезновение. Всякому человеку, который хотя бы в минимальной степени наделен интуицией, ясно, что мир удерживается своим многообразием. Многообразие – сущностное условие единства и целостности мира. Многообразие, а не унификация, делают мир единым. Если мы сотрем многообразие, мы уничтожим мир. Поэтому всеохватное стремление глобализации к унификации губительно. Но именно унификация и является доминирующей формой глобализации.

Таким нехитрым приемом глобализм – как идеология глобализации – вынуждает все и вся становиться строительным материалом для глобализации: хочешь существовать, остаться в горизонте бытия – встраивайся в глобальные процессы, находи себе в них место, активничай в порождении новых глобальных форм развития, участвуй в гонке. «Такая ситуация не возникла вдруг, над ней много и долго работали и теоретики и практики современного мироустройства. Теперь глобалисты построили мир, очень выгодный для себя. Этот мир управляем – не сказать, что управляем легко, но в высокой степени. Удерживая все «концы нитей» у себя, крупнейшие игроки современной мировой политики имеют возможность порождать угрозы, затем манипулировать ими, достигая своих, отличных от мировых, целей и решая свои собственные задачи, т.е. имеют возможность управлять конфликтами. Без глобализации это было бы трудно» [1].

Казалось бы, что же: такова современность, такова новая реальность, чему противостоять, на что сетовать? Не выступал же средневековый крестьянин (в массе своей) против феодальных порядков, в то время, когда они господствовали (хотя спорадически бунты имели место). Противоречиям средневековой организации общества надо было накопиться для того, чтобы, подготовленный развитием средневековых форм производства и соответствующей общественной структуры потенциал развития, вылился в новую формацию человеческой истории. Так и все этапы истории: находящимся внутри них непросто увидеть их ограниченность и их преходящий характер.

Однако, с глобализацией дело обстоит не так. Как только ее разглядели, как только стали заметны ее отличительные особенности, видны ее приоритеты и, отчасти, цели (если можно говорить о ее целях), глобализация сразу же подверглась критике. В чем причи-

на довольно широкого неприятия глобализации и тех ее следствий, какие заметны уже сейчас? Разве глобализация не естественный, порожденный всем предыдущим развитием человечества, этап прогрессивного развития человечества? Вот именно естественность процесса глобализации, как вытекающего из истории нового этапа развития человека и человечества, и ставится под сомнение [2]. Многие критики глобализации ставят ей в вину разрыв естественного хода истории и внедрение в процесс развития человечества новой стратегии, основанной на эгоистическом интересе всемирных олигархических кругов.

Надо отметить, что данная точка зрения на глобализацию не лишена основания. Во всяком случае, она обладает значительной объяснительной возможностью – с ее помощью можно многое понять в процессах глобализации. Так, например, получает свое объяснение факт, что по мере углубления глобализации богатые страны становятся богаче, бедные – беднее (это естественно, если рассматривать глобализацию как процесс, осуществляемый в интересах богатейшего слоя человечества). Или такой, более внутренний для глобализации, ее аспект, как очевидный упадок современных нравов (хотя на упадок нравов сетовали во все времена – античная литература полна подобной тематикой – но столь глобального падения нравов в истории еще не было). Оказывается, управляемый процесс нравственной деградации человечества – важнейшая часть общей стратегии выстраивания нового миропорядка, в котором не будет места нравственным критериям – и это тоже становится понятным, если отталкиваться от изложенной точки зрения на глобализацию. Этот подход к сущности глобализации позволяет поднять вопрос и о субъекте глобализации.

В обширной литературе, посвященной глобализации, практически не обсуждается вопрос о субъекте глобализации. Это понятно: если что-то глобалисты усиленно скрывают, то скрывают они именно активную, движущую силу глобализации – т.е. ее субъекта. Традиционно субъект глобализации является предметом конспиралогии, как дисциплины, пытающейся вскрыть потаенные причины и механизмы основных процессов современного мира. За конспиралогией, не без помощи глобалистов, закрепился ярлык псевдонауки, строящей бездоказательные домыслы. Но, если мы не можем нечто объяснить, а нам предлагают, пусть сомнительный, но все же метод объяснения, то как-то не по-научному огульно отказываться от такого объяснения. Кроме того, помимо конспиралогии никакой иной подход вообще не поднимает вопрос о силах, направляющих глобализацию. А вместе с тем, чересчур однонаправлено осуществляется глобализация, чтобы не поставить вопрос о ее субъекте.

Пристальное внимание к субъекту глобализации возникло в самое последнее время. Интерес этот понятен – взгляд на глобализа-

цию, как на направляемый процесс, позволяет вскрыть ее глубинные смыслы, сразу выявляет сущность глобализации. «Глобализация — это доведенный до крайности паразитизм мирового капитализма, который на время распоясался, так как его некому приструнить. Речь идет не о стихийном явлении, а о социальном процессе, он имеет своих идеологов, организаторов, агентов влияния» [3], — пишет, например, С.Г. Кара-Мурза, и это далеко не единичный пример критического анализа глобализации в отношении ее субъекта.

Иногда в качестве субъекта глобализации называют транснациональные компании, крупнейшие державы, компрадорскую буржуазию, олигархов, международные финансовые институты. Они действительно отличаются активностью, но их уместнее именовать агентами глобализации, а не ее субъектом. Посредством названных агентов глобализация разрастается, ширится, углубляется. Но эти агенты находятся на виду, они являются силой, но силой явленной. Истинный субъект глобализации, если он персонифицируем, должен бы быть в тени. Антиглобалистски настроенные исследователи, в том числе и конспирологи, называют в числе субъектов глобализации центры, которые осуществляют общее руководство процессом глобализации: Трехстороннюю комиссию, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и т.д. Другие эксперты называют в качестве субъекта глобализации руководство масонских лож, но нам думается, что уж если бы тайное общество решило глубоко законспирироваться, то о нем никто бы не узнал.

В качестве субъекта глобализации могут выступать все перечисленные структуры, но нам ближе иное видение этого самого субъекта. Им может быть процесс глобализации в его объективизации — т.е. процесс концентрации капитала и его движения по линиям максимальной прибыли, а также процесс всесторонней унификации мира. Понятно, что этими процессами надо управлять. Тот, кто направляет эти процессы, являясь их выразителем, и есть субъект глобализации. Субъективное руководство объективированным процессом глобализации, даже если оно не сосредоточено в определенных руках, но рассредоточено по многим структурам, дает нам достаточную картину управления глобализацией. Именно таким мы видим субъекта глобализации, что, вместе с тем, не снимает вопроса об управлении глобальными процессами со стороны определенных структур, имеющих предзаданные цели.

Однако изложенные подходы к анализу сущности глобальных процессов современности страдают некоторой односторонностью. Все же, на наш взгляд, при анализе процессов глобализации, а еще более при исследовании ее движущих сил, ее субъекта, ее целей необходимо не становиться на крайние позиции в оценке глобализации, т.е., не считать глобализацию или целиком благом для чело-

вечества, или огромной надвигающейся катастрофой. Скорее всего, теперь человечество только так и будет развиваться: каждый его шаг будет противоречив, станет привычной неочевидность успехов и проигрышей, нестабильность будет восприниматься как неизбежность, несовпадение намерений и результатов станет правилом. Это при-
скорбно, и это говорит об утрате чувства должного, но это так. Нельзя утратить сущностные характеристики человека: свободу, понимаемую как ответственность, совесть, как голос Бога в человеке, обязанность нравственно относиться ко всему происходящему, способность к жертвенности, состраданию, утратить человеческие добродетели и среди них: веру, надежду, любовь (а все это, бесспорно, утрачено), нельзя утратить все человеческое и при этом ожидать, что все будет хорошо, легко, без проблем, и что можно достигать цели, толком не поставив ее и не прилагая усилий к ее достижению. Как говорили древние по аналогичным случаям «желающего судьба ведет, а не желающего – тащит», посему, если человечество пришло в состояние нравственной деградаци, потеряло здоровое историческое чутье и способность к осмысленному самосозиданию будущего, что же, придется «тащиться» поневоле в ярме обстоятельств.

Но если, как и все в будущем, глобализация то ли зло, то ли добро, то ли прогресс, то ли регресс, как же ее воспринимать и исследовать? Могут сказать, надо исследовать объективно, без пристрастий и ангажированности. Правильно, именно так и надо, но вот беда – потеряны критерии объективности (как и всякие другие) в контексте этой всеобщей неопределенности и протрации. Вот и остается только *описывать* глобализацию, что многие и делают. Но средствами описания невозможно ничего понять, а философ должен стремиться к пониманию, иначе, зачем вообще братья за изучение чего-либо^{1*}. Остается, впрочем, одно мерило, каким советовали мерить все подряд – человек. Но человек первый и сдал свои позиции, кто он теперь такой, тот ли, кем можно мерить «сущность всех вещей, существующих, поскольку они существуют и несуществующих, поскольку они не существуют»? Ни из самой глобализации ее не понять, ни человек, «как мера всех вещей» нам не помощник. Как быть?

Есть еще одна возможность, но и она специфична и не всех устроит. Речь идет о евангельском принципе распознавания добра и

---

* К чести философии надо сказать, что задача придания смысла глобальным процессам современности философией сегодня ставится напрямую. «Одной из наиболее важных задач философии, – пишет, например, А.Н. Чумаков, – становится разработка ценностных оснований и формулирование моральных принципов будущего мирового общества, а также формирование гуманистического, глобально ориентированного мировоззрения, которое адекватно отражало бы реальности современной эпохи» // Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. – М., 2006. С. 234.

зла. По плодам распознается дерево – доброе оно или злое. «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их» (Мф. 7. 17-20). Остроумцы могут возразить, что юннаты-мичуринцы, а тем более, современные генетики очень просто могут получить от любого дерева что угодно. Вот это-то и плохо. Получать, что угодно от чего угодно мы научились, а критерии добра и истины потеряли – так и живем. И вообще, Евангелие – не предмет шуток, особенно в ситуации отсутствия критериев. Поэтому отнесемся к представленному критерию серьезно. По плоду познается дерево, следовательно, что порождает глобализация – такова она и есть. А порождает она худой плод: противостояние западного и исламского мира, усиливающуюся диспропорцию в доходах и уровне жизни, бескультурье во всех проявлениях, падение духовности, возврат к этническому эгоизму, несправедливость во всех формах. Чего же еще? Плод явно худой.

Многие гуманистически мыслящие критики глобализации пытаются придать глобализации «человеческое лицо», найти в ней, хотя бы в перспективе ее развития, ориентацию на человека, найти личностные измерения глобализации. «Важно определить принципы и условия, при выполнении которых возрастали бы позитивные результаты глобализации и снижались, минимизировались ее отрицательные последствия», – пишет член-корреспондент РАН Е.А. Лукашева. – «Для этого следует исходить из основного принципа – человеческого измерения глобализации, которое должно показать весь спектр воздействия ее на человека, его интересы, на народы, их образ жизни. Инструментом такого гуманитарного измерения являются права человека и права народов как главные ценностные характеристики условий их жизнедеятельности, призванные обеспечить свободу, справедливость, достоинство, идентичность нации. Если какие-либо аспекты глобализации не выдерживают проверки правами человека, следует однозначно признать их антигуманными» [4].

Е.А. Лукашева совершенно правильно отметила – глобализацию надо «измерять» человеком, его правами. Следует, впрочем, добавить – не только правами, потому, что не только права человека образуют сущность человека и «его человеческое измерение» (автор – юрист, и это объясняет ее гипертрофированное отношение к правам человека – А.К.). Права человека – вторичны по отношению к его сущности, а сущность человека, на наш, например, взгляд, соотносится с его духовностью. Поэтому не только на критерии соблюдения прав человека надо «проверять» глобализацию, но и на способность глобализации развивать духовное в человеке, а здесь-то

как раз и беспросветно. Для глобализации нет более ненавистного противника, чем духовные пласты человеческого бытия. Права, еще куда ни шло: глобализм (как и либерализм) тоже основан на «правах и свободах» человека, поэтому что-то, а «права» человека глобализация отстаивает и развивает. Именно к аргументации защиты этих прав прибегают глобалисты, когда бомбят Белград, Ирак и Афганистан. «Гуманитарная интервенция» – как, безусловно, гуманный способ уничтожать незащищенных людей – тоже из разряда защиты человеческих прав. Но даже и в пределах проверки человеческого измерения глобализации на соблюдение прав человека глобализация выказывает свою несостоятельность. Здесь можно отослать к практике двойных стандартов в этой сфере и к унижительным способам идентификации личности в аэропортах и иных местах «массового скопления» людей (термин заимствован из западных инструкций по безопасности). По большому счету права человека абсолютно не интересуют глобалистов. Они прибегают к «правовой» аргументации только для того, чтобы запустить в действие концептуальный механизм управления конфликтами – их излюбленный способ вмешиваться во все и все решать в свою пользу.

Но в нашей критике правового подхода к оценке гуманности глобализации не следует останавливаться на фиксации формального нарушения этих самых прав глобалистами. Глобализация исходит из принципиально ложного, сознательно искаженного содержания прав человека. Либеральная концепция прав человека основана на понимании человека в горизонте его гражданских прав в общественном и государственном контекстах. Но на простой вопрос: в чем источник этих прав, либерализм не знает ответа – он просто наделяет этими правами человека (неявным обоснованием такого подхода является теория «общественного договора»). Но прежде, чем «договариваться», человек уже должен был существовать, и должен обладать правами – иначе у него не было бы права договариваться. Да и разве сводится человек к общественным и государственным своим проекциям?

Как подчеркивают многие религиозные лидеры всех основных религий мира, права человека должны быть увязаны с их нравственным содержанием, без чего они выхолащиваются, превращаются в набор формальных признаков – поэтому ими так легко и манипулируют глобалисты. Приведем очень содержательную цитату из «Декларации о правах и достоинстве человека», принятой на X Всемирном русском народном соборе (4-6 апреля 2006 год, Москва), проясняющую сущность прав человека: «Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может не быть связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства

не бывает. Мы – за право на жизнь и против «права» на смерть, за право на созидание и против «права» на разрушение. Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе. В этом свете нами уважаются не только гражданские, политические права и свободы, но также социальные, экономические и культурные права. Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями» [5].

Понятно, что с таким содержанием прав человека и с таким их пониманием глобализм согласиться не может. Он готов скорее пожертвовать правами человека вообще, нежели поднять вопрос о нравственной сущности этих прав. В этом нет ничего удивительного. Личность человека современности сведена к набору его прав, причем сведена не без усилий идеологии глобализма. Современный мир забыл, что в основе прав человека лежит нравственность, именно свободное нравственное поведение и нуждается в правовой защите. Помимо этого, исторически первые своды законов базировались на нравственности, это впоследствии нравственность стала чем-то иным законом. Поэтому сегодня – и глобализм это честно фиксирует – нравственность, духовность считаются, в лучшем случае, некой необязательной добавкой к содержанию личности человека. Реальное же функционирование человека в условиях ширящейся глобализации не предполагает его духовности, напротив, глубокие слои личности вызывают опасения, так как не покрываются нормами закона. Эти слои даже могут быть поставлены вне закона, как это имеет место в странах Европейского союза, когда родители наказываются в уголовном порядке за протесты против образования своих детей в толерантности к извращенным с нравственной точки зрения нормам поведения. Также как лишаются своих рабочих мест медицинские и социальные работники, удерживающие нравственные критерии при выполнении своих должностных обязанностей.

Личностное содержание вообще становится обременительным и для среднестатистического человека современного мира и для общества, в котором он существует. Унифицирующая логика глобализма добралась до самых глубоких и интимных пластов человеческой личности. Нет нужды повторять здесь хорошо известный набор средств такой унификации: от электронных паспортов (на которых зашифрованы все данные на человека вплоть до самых интимных) до жутких пророчеств Жака Аттали. Самое печальное, что и сам человек уже согласен на утрату личностной специфики – это легче, чем вести изнуряющую каждодневную борьбу за личностное достоинство.

Итак, можно констатировать, что личностные аспекты глобализации имеют два четко фиксируемых измерения. Первое – человек участвует в глобализации не как личность, но как объект манипуляции с минимальным личностным присутствием, что освобождает глобалистов от необходимости аргументации своих действий. Второе – глобализация сводит на нет и без того ничтожное личностное содержание, какое еще удерживает человек, по необходимости втянутый в глобальные процессы современности. Из этого двойного уничтожения человеческой личности в процессе глобализации можно сделать однозначный вывод: углубление и расширение глобализации уничтожит личность человека целиком, человек будет полностью унифицирован. Этот вывод, в свою очередь, приводит нас к предположению, что конечной целью глобализации является не экономический рост, не новый мировой порядок, не господство мирового правительства, но полное лишение человека человеческих качеств, на что намекал еще Аурелио Печчеи в своей одноименной книге. Этот вывод заставляет вспомнить об эсхатологических ожиданиях авраамических религий, в которых моменту второго пришествия Спасителя предшествует процесс абсолютной унификации мира. Но в описаниях процесса такой унификации содержится указание на невозможность окончательного уничтожения личности человека, ибо останутся избранные и верные, сохранившие ответственное отношение к своей душе. Следовательно, духовная сущность человека неуничтожима, и если именно с этой сущностью и связать глубинные пласты человеческой личности, то остается надежда на неустранимое личностное бытие человека в мире в любых обстоятельствах. Это – хорошая основа для оптимизма нашего времени.